

шенно справедливо, – продолжает она, – мной был совершен доблестный подвиг и мне одной следует подвергнуться мукам».

XXIV

Тогда тиран начал выходить из себя: «Куда ты скрыла то изображение?» – воскликнул он. «Я его не скрывала, но сожгла, и такой поступок считала добрым подвигом: по крайней мере, теперь оно не будет осквернено рукой нечестивых. Скажи мне, государь, чего ты хочешь: похищенного или похитившего? Первого ты никогда не увидишь, последний же стоит перед тобой».

XXV

«Впрочем, это не воровство, и я не краля: справедливо взять назад то, что было похищено неправдой». При этих словах тиран задрожал от ярости и вспыхнул страшным гневом. Нет больше пощадь ни стыдливому сердцу, ни возвышенному уму, ни благородному лику; напрасно Любовь делает из ее небесной красоты щит против лютой свирепости Аладина.

XXVI

Взяли прекрасную деву, и жестокий паша осуждает ее к смерти на костре. С нее сорваны покрывало и одежда; руки отягчены цепями. Но она молчит; только твердая грудь ее по временам трепещет и прекрасное лицо покрывается не бледностью, но блеском.

XXVII

Слух о таком великом событии разносится повсюду, и народ начинает стекаться. Является и Олинд. Он видит, что готовится казнь, но не знает чья, и приходит к последней минуте жизни своей возлюбленной. Узнав, что прекрасная узница не только обвинена, но и осуждена на смерть, увидев, что исполнители жестокого повеления готовы уже приступить к самой казни, он начал в беспамяත්стве расталкивать народ.

XXVIII

И говорит паше: «Не она, не она похитительница! Напрасно она тем тщеславится; такого подвига не могла ни замыслить, ни исполнить слабая женщина. Каким образом она обманула стражей, каким средством успела похитить святое изображение Девы? Если она все это совершила, то пусть объяснит. Государь! Я был похитителем». Так сильно любил он ту, которая его не любила.

XXIX

Затем он продолжал: «Я совершил свой замысел ночью, пропихнув непроходимыми стезями, с той стороны, где в вашей мечети сделано отверстие для света и воздуха. Честь подвига принадлежит мне, мне же и смерть. Пусть не похищает у меня эта дева моих страданий; ее цепи – мои; пламень зажжен для меня и для меня изготовлен костер».

XXX

Софрония поднимает голову и смотрит на него с состраданием. «Зачем ты пришел сюда, невинный и злосчастный? Какая мысль или какое помешательство ума привели тебя на это место? Или без тебя я не в состоянии противиться всей ярости человеческого гнева? Моя грудь сумеет умереть одна и не ищет себе товарища».

XXXI

Так говорит она своему обожателю, но не может заставить его отказаться от своих слов или переменить намерение. О великое зрелище, на котором состязались любовь и великодушие, и где победитель награждался смертью, а побежденному в наказание предоставлялась жизнь! Но паша раздражается тем более, чем упорнее они обвиняют друг друга.

XXXII

Он считает себя оскорбленным и думает, что они презирают муки из презрения